

СИСТЕМА ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИЦ-ЖЕНЩИН И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РАБОЧИХ НА КАЗАНСКОМ ЗАВОДЕ ФИРМЫ БРАТЬЕВ КРЕСТОВНИКОВЫХ: ОТ ОСНОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В 1855 Г. ДО ИЗДАНИЯ «ФАБРИЧНЫХ ЗАКОНОВ» В 1882-1886 ГГ.

Фан-Юнг Герман Юрьевич

*К.и.н., доцент, Казанский инновационный университет
ger-fan-yung@yandex.ru*

**WAGE SYSTEM FEMALE WORKERS
AND UNDERAGE WORKERS AT THE
KAZAN PLANT OF THE FIRM OF THE
KRESTOVNIKOV BROTHERS: FROM THE
FOUNDATION OF THE ENTERPRISE
IN 1855 TO THE BEGINNING OF THE
CREATION OF "FACTORY LAWS" IN 1882-
1886**

G. Fan-Yung

Summary: The object of our study is the social policy of the company of the Krestovnikov brothers; The subject of the study is the system of remuneration of female workers and underage workers at the Kazan plant of the Krestovnikov brothers firm from the foundation of the enterprise in 1855 to the publication of the first factory laws in 1882-1886. The most important results of this social policy and their significance are analyzed. Specific measures aimed at improving the wage system have been studied. The objective relationship between the improvement of production and the development of the wage system at an advanced chemical plant operating in a market economy is briefly analyzed. The work uses, firstly, universal methods of scientific knowledge (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.), secondly, the most important principles of historical knowledge (principles of historicism, the principle of a comprehensive study of history, the principle of objectivity, etc.), in thirdly, special methods of historical research (narrative, historical-genetic, synchronistic and other methods). All this made it possible to make a critical analysis of published and unpublished sources; reveal the objective reasons for improving the social policy at the Kazan enterprise of the Krestovnikov brothers, including the bonus system; identify similar features of homogeneous processes (the development of chemical science and the production success of the plant, etc.), etc. An important conclusion is made about the existence of an objective difference between a kind of "philanthropy" and social policy in the conditions of the functioning of advanced science-intensive production.

Keywords: science-intensive enterprises of pre-revolutionary Russia, pre-revolutionary chemical industry, the situation of Russian workers in the second half of the 19th century, the company's social policy, the Krestovnikov brothers, Kazan province, Kazan stearin-soap, glycerine and chemical plant, French chemist Michel Eugene Chevreul.

Аннотация: Объектом нашего исследования выступает социальная политика компании братьев Крестовниковых; предметом исследования является система оплаты труда работниц-женщин и несовершеннолетних рабочих на Казанском заводе фирмы братьев Крестовниковых от основания предприятия в 1855 году до издания первых фабричных законов в 1882-1886 гг. Проанализированы важнейшие итоги этой социальной политики и их значение. Изучены конкретные мероприятия, направленные на совершенствование системы оплаты труда. Кратко проанализирована объективная взаимосвязь между совершенствованием производства и развитием системы оплаты труда на передовом химическом заводе, функционировавшем в условиях рыночной экономики. В работе использованы, во-первых, универсальные методы научного познания (дедукция, индукция, анализ, синтез и пр.), во-вторых, важнейшие принципы исторического познания (принципы историзма, принцип всесторонности изучения истории, принцип объективности и др.), в-третьих, специальные методы исторических исследований (нарративный, историко-генетический, синхронистический и прочие методы). Все это позволило произвести критический анализ опубликованных и неопубликованных источников; вскрыть объективные причины совершенствования социальной политики на казанском предприятии братьев Крестовниковых, включая систему премирования; выявить схожие признаки однородных процессов (развитие химической науки и производственные успехи завода etc.) и т.д. Сделан важный вывод о наличии объективной разницы между некоей «филантропией» и социальной политикой в условиях функционирования передового наукоёмкого производства.

Ключевые слова: наукоёмкие предприятия дореволюционной России, дореволюционная химическая промышленность, положение российских рабочих во второй половине XIX века, социальная политика фирмы, братья Крестовниковы, Казанская губерния, Казанский стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод, французский химик Мишель Эжен Шеврель.

Индустриальная революция, охватившая передовые страны Евразии и Америки в XIX столетии, подразумевала не только некий переход к машинному производству и свободному труду, но и значительные перемены в социальных отношениях: разрушался патриархальный жизненный уклад, наблюдался значительный рост населения промышленных центров, в которых уже господствовала нуклеарная семья, в пределах жизни одного поколения изменялась социальная структура общества, значимое место в которой занял промышленный пролетариат etc. Закономерно, что качественные экономические и социальные изменения, породили целый комплекс различных проблем, затронувших все сферы жизни общества. Многочисленные социальные «язвы», характерные для первых десятилетий промышленной революции, вызывали справедливую критику современников [14].

Особое внимание многочисленных критиков, и «справа», и «слева», уделялось т.н. «положению рабочих». Под означенным термином подразумевался значительный комплекс различных проблем, которые испытывало население промышленных центров. К ним относились: перенаселение и нехватка жилья, болезни и детская смертность, соотношение реальной и номинальной заработной платы, дискриминация женщин и малолетних рабочих при начислении и выдаче заработной платы, гигиена труда и быта, социально-бытовые условия проживания рабочих и членов их семей, доступ к образованию и медицинскому обслуживанию, социальное страхование и пр. Подобные социальные проблемы затронули и Россию.

Исследовательница Г.Н. Ульянова справедливо указывает, «... что в России процессы массовой индустриализации происходили в 1830–1880-х годах. В эти шестьдесят лет возникло множество фабрик и заводов по всей стране. Прежде всего, это были текстильные предприятия, продукция которых была постоянно востребована. Но также развивались химические, машиностроительные, стекольные и керамические заводы» [18;89]. Стоит особо отметить, что несмотря на определённую специфику, индустриальное развитие нашей страны закономерно породило не только аналогичные социальные проблемы, но и устойчивый интерес к ним со стороны государства и общества.

Анализ системы оплаты труда рабочих на предприятиях дореволюционной России, начиная с середины XIX века и до издания «фабричных законов» 1882–1886 гг., не может быть полноценным без изучения реальных заработков наименее защищённых представителей рабочего класса, коими являлись женщины и несовершеннолетние работники.

Можно утверждать, что отношение хозяев фирм к

оплате труда этих категорий работников выступало своеобразным индикатором, позволяющим сделать определённые выводы не только о социальной ответственности тех или иных значимых фигур дореволюционной бизнес-элиты или об отраслевой специфике тех или иных производств, но и о наличии стремления сформировать постоянный кадровый состав работников всех уровней посредством соответствующей социальной политики.

Исследовательница И.В. Поткина справедливо утверждает, что «социальная политика является ..., ... составной частью долговременной предпринимательской стратегии» [17;160]. Фирма демонстрировала (и демонстрирует) свою заинтересованность в том или ином работнике, включая женщин и несовершеннолетних, не только с помощью размера основной заработной платы, но и путём наличия (или отсутствия) системы премирования. То есть всевозможных стимулирующих выплат, выступавших как значимые инструменты её социальной политики.

Чем сложнее техника и технология производства, выступающие как способ снижения производственных издержек, тем выше требования к квалификации работников всех уровней, тем значимее потребность в постоянном кадровом составе работников всех уровней (т.н. «человеческом капитале»), без которого становится немислимым предпринимательский успех. В свою очередь, наличие упомянутого «человеческого капитала» есть закономерный итог продуманной социальной политики компании, включая систему оплаты труда.

Всё это позволяет, во-первых, провести чёткое разграничение между благотворительностью, основанной на воле лица, осуществившего пожертвование, и социальной политикой, выступающей как одна из фундаментальных основ предпринимательского успеха. Во-вторых, требует учитывать отраслевую специфику изучаемого производства. Ибо, она и определяет степень заинтересованности и величину затрат фирмы в осуществлении социально значимых мероприятий. И, наконец, в-третьих, способствует пониманию причин применения женского и детского труда на конкретном производстве.

Например, А.В. Морозов сообщает, что одной из причин найма женщин и несовершеннолетних на фабрики в XIX веке была дешевизна труда данных категорий работников по сравнению с рабочими-мужчинами. Более того, этот автор фиксирует объективную взаимосвязь массового применения женского труда с отраслевой спецификой предприятия: «рост женской рабочей силы в промышленности Казанской губернии начался еще в конце 80-х гг. XIX в., в связи с ускоренным развитием льноткацкого производства, в первую очередь, в Каза-

ни» [16;12–13].

Казанский стеариново-мыловаренный завод фирмы братьев Крестовниковых был одним из немногих передовых химических производств дореволюционной России, возникших до начала Великих реформ императора Александра Второго. Следует уточнить, что проект создания в г. Казани такого предприятия впервые сформулировал и опубликовал профессор технологии Императорского Казанского университета М.Я. Киттары. Идея понравилась молодым московским братьям-предпринимателям, которые очень быстро взялись за дело. Все семеро братьев Крестовниковых принимали активное участие в основании, строительстве и пуске своего завода. Несмотря на молодость, они уже обладали определённым предпринимательским опытом: двое братьев (Валентин и Николай) стажировались в Великобритании, а пятеро принимали участие в постройке и организации производственной деятельности, принадлежавшей им подмосковной Поляновской хлопчатобумажной фабрики.

Прошение о разрешении строительства предприятия было подано «на Высочайшее имя» В.К. Крестовниковым, одним из семерых братьев, 05(17) марта 1855 г [6;1–2]. Братья-предприниматели планировали приобрести под строительство завода 5,26 га, но из-за административных препон, чинимых казанским вице-губернатором Андреевым, они приобрели только 4,04 га [6;1(об)]. Строительство завода-«великана», невиданного ранее, как для Казанской губернии, так и для её административного центра, началось 01(13) июня 1855г [7;159]. Наём первых рабочих, занятых в основном производстве, начался с 16 (28) ноября 1855 г. Первым в списке рабочих обозначен некий «Николай Кирилов», нанятый за 9 руб. серебром в месяц [8;38].

Пробные пуски завода происходили со второй половины ноября, а первые партии свечей были проданы к 23 декабря 1855 г.ст.ст. (4 января 1856г) [8;5]. Необходимо особо отметить, что это предприятие сразу же строилось как передовое и наукоёмкое. Значительный комплекс опубликованных и неопубликованных источников, которые были исследованы нами, свидетельствует, что некоей «эволюции» (из гипотетического «свечного заводика» в «новейшую капиталистическую фабрику»), в данном случае, не происходило в принципе [19]. Очевидно, что данный завод сразу же строился как значительное и мощное (для своей эпохи) химическое производство, дальнейшее развитие которого зависело от успехов химической науки. *Мыловарение же на подобных предприятиях было побочным продуктом стеаринового производства, которое возникло благодаря открытиям выдающегося французского химика Мишеля Эжена Шеврёля (Michel Eugene Chevreul, 31.08.1786–09.04.1889).*

Учитывая обозначенную отраслевую специфику, подразумевающую неразрывную связь химической науки и производства, следует сделать вывод и об изначально наукоёмком характере этого «крестовниковского» завода. В нашей монографии данный тезис был достаточно обоснован; на конкретных примерах продемонстрировано, что успешное функционирование предприятия, как и его конкурентоспособность, зависели от успехов химической науки и технологии.

Уже в первый год своего существования Казанский завод фирмы братьев Крестовниковых был значимым «градообразующим» предприятием в г. Казани, которое функционировало круглый год и было способно оказывать влияние на динамику социальных отношений.

Численность рабочих не была величиной неизменной: в 1855–1857 гг. постоянный состав насчитывал 200 человек; переменный (сезонный) состав мог достигать аналогичной численности, возрастая с поздней осени и падая до нуля к началу весеннего сева, т.к. состоял из крестьян-отходников. На начальном этапе существования завода численность женщин-работниц среди постоянного состава доходила до 100; их труд применялся «... для наливки, обрезки, полировки и отвёртки в бумагу фунтовых пачек свечей» [15;369].

Точные данные об изменениях количества несовершеннолетних обоего пола, имевшихся на заводе до 1861 года, в архивных материалах отсутствуют. Факт их возможного наличия можно установить только по отдельным записям в т.н. «расчётных рабочих книгах», подразделявшихся (как и жалование до 1864 года) на «мужские» и «женские». В них содержатся сведения о размере заработной платы и ее дифференциации по различным принципам (квалификация, пол и факт проживания и/или питания на заводе, разряд и пр). Из них мы знаем, что тот же «Николай Кирилов», не проживавший и не питавшийся на заводе, получал 9 рублей серебром в месяц, а заработная плата, например, некоей «Евдокии Григорьевой, разливальщицы», не посещавшей заводскую столовую, составляла 7 рублей серебром в месяц. Если же рабочий или работница проживали и питались на заводе, то их заработная плата уменьшалась, в среднем, на 2,75–4,75 рубля серебром в разные годы. Так, в описываемое время питание одного рабочего в месяц оценивалось хозяевами в 1 рубль 75 копеек серебром, а за проживание брали еще один рубль в месяц.

Еще одним фактором, влиявшим на размер заработной платы работников низкой квалификации, была сезонность: с 01 октября по 01 апреля завод работал «на склад» и наблюдалась «дешевизна рабочих рук» из-за притока «отходников»; с 01 апреля по 01 октября заработная плата возрастала, ибо требовалось обеспечить круглогодичное функционирование предприятия. На-

пример, «Евгения Алексеева», проживавшая и питавшаяся на заводе, с 01 октября по 01 апреля зарабатывала по 1 рублю и 50 копеек серебром в месяц, а с 01 апреля по 01 октября её ежемесячный заработок возрастал до 2 рублей серебром [3;1].

В действительности, как свидетельствуют многочисленные архивные материалы, рабочие и работницы получали значительно больше: активно внедрялась сдельная система оплаты труда [1;28], в июле всем доплачивали дополнительный рубль серебром [5;7], отдельно оплачивалась т.н. «праздничная работа» [1;25], применялись разовое [8;103] и ежемесячное премирование, составлявшее до трети ежемесячного заработка [2;158].

В т.н. «женских книгах» встречается информация о работниках и работницах, размер заработной платы которых крайне низок. Так, в «женской расчётной книге» за 1859 год упомянут некий «Егор Родионов», получавший 1 рубль и 50 копеек серебром в месяц, «на наших харчах» [3;1], а «Василий Степанов» был «жалован **тридцатью копейками серебром в месяц**» [2;196]. Исходя из очевидной разницы между оплатой труда взрослых рабочих обоего пола и упомянутых «Родионова» и «Степанова» следует, что последние не могли быть отнесены к обычным рабочим мужского пола. Именно этим и объясняется факт присутствия их в «женской книге». Учитывая же крайне низкий уровень оплаты труда «Василия Степанова», исключаящий полноценное самостоятельное проживание этого человека в означенную эпоху, следует считать его малолетним рабочим, труд которых носил вспомогательный характер.

Отметим, что постоянно проживавшие и питавшиеся на заводе взрослые работницы, например «Хуртина» [3;7], «Егорова» [3;170] и «Алексеева» [3;1], зарабатывали в 1859 году по 2 рубля серебром в месяц с 1 апреля по 1 октября и по 1 рублю 50 копеек серебром в месяц с 1 октября по 1 апреля (без учёта премий и штрафов).

В «женской расчётной книге» за 1862–1863 годы упомянуты 42 малолетних рабочих обоего пола. Только у четырёх из них ежемесячная заработная плата, в среднем, составила один рубль серебром в месяц. В целом, ежемесячная заработная плата малолетних обоего пола, постоянно проживавших и питавшихся на заводе, варьировалась (по материалам данного источника) от 34 копеек серебром/мес. до 1 рубля 30 коп. серебром/мес [4;102].

Численность постоянных рабочих в 1860-х годах продолжала возрастать: если в 1864 году их количество увеличилась до 464 человек, то в 1868 году постоянный состав насчитывал уже 600 человек. Дальнейшее успешное развитие предприятия, связанное с усложнением технологии производства в 1862–1863 гг., закономерно

привело к совершенствованию системы оплаты труда, когда в 1864 году была внедрена новая разрядная система. Она подразумевала введение для совершеннолетних рабочих-мужчин низкой квалификации трёх разрядов (1 разряд был самым низшим); для женщин и несовершеннолетних обоего пола устанавливался единый «женский разряд».

Указанные разряды выступали как базовая ставка для расчёта и начисления заработной платы, играя роль современных окладов. На практике, при отсутствии вызсканий и прогулов, среднестатистические рабочие обоего пола, благодаря ежемесячным «приплатам», «сдельщине» и «праздничной работе», зарабатывали больше. К примеру, «Екатерина Николаева Кузнецова», которой был присвоен «полный женский разряд», за сентябрь 1871 года заработала (кроме положенных ей 2 рублей 50 копеек серебром в соответствии с «женским разрядом») т.н. «добавленных» еще 50 копеек серебром. С 01 октября, невзирая на разряд, ей была на один рубль серебром увеличена окладная часть [2;210]. Премированный за работу без штрафов, с сентября 1871 г. по август 1872 г., несовершеннолетний «Гавриил Иванов Доровских» получил «на руки» 32 рубля серебром вместо соответствующих его «женскому разряду» 27,5 рублей серебром. Из 5 рублей премиальных 2 рубля серебром были добавлены от администрации завода [2;210].

Подобные факты, как следует из изученных архивных материалов, были массовым явлением на обозначенном предприятии. Так, «Домна Федосьева Фёдорова», с 01 сентября 1871 г. ст.ст. по 01 сентября 1872 г.ст.ст. получила на руки 53 рубля 13 копеек серебром, имея «полный женский разряд» [2;1]. Простой подсчет показывает, что её заработная плата, начисленная только по «женскому разряду» («на хозяйских харчах и квартире»), не могла быть выше 30 руб. серебром в год. Если же она не проживала и не питалась на заводе, то её заработная плата составила бы 5 рублей 25 копеек серебром в месяц или 63 рубля серебром в год. Заметим, что сведений о применении к обозначенной работнице штрафных санкций не имеется.

Аналогичные сведения массово присутствуют и в отношении других работниц, независимо от возраста:

- «Арина Петрова», « $\frac{3}{4}$ -ное жалование женского оклада», «штрафов нет», с 01 сентября 1871 ст.ст. по 01 сентября 1872 ст.ст. заработала 41 рубль 57 копеек серебром [2;28]
- малолетняя «Авдотья Иванова Яковлева» на 01 сентября 1871 года ст.ст. получала жалование в размере 30 коп. серебром в месяц («на харчах и квартире»). Но с 01 декабря 1871 г.ст.ст. стала получать по 60 копеек серебром в месяц. На 01 мая 1872 г.ст.ст. её заработок составлял уже 1 рубль 20 коп. серебром в месяц [2;47]

— «Авдотья Васильева Волкова» («женский разряд») с 01 сентября 1871 ст.ст. по 01 сентября 1872 ст.ст. заработала 38 рублей 97 копеек серебром [2;9] etc.

На наш взгляд, уместно продемонстрировать аналогичную оплату труда выше разрядов и у совершеннолетних мужчин, сопоставив её с «женским разрядом». Например, некий «Гамаутдин Гафуров» («жалованье 1-го мужского разряда», низшего из трех «мужских») был принят на работу с 01 сентября 1871 г.ст.ст. за 4 рубля серебром в месяц; с 01 декабря 1871 г.ст.ст. ему стали платить по 4 рубля 25 копеек серебром в месяц; с 01 апреля 1872 г.ст.ст. он получал уже 4 рубля 50 коп. серебром в месяц, но не слишком долго, т.к. с 01 мая 1872 г.ст.ст. ему выплачивали уже по пять рублей серебром в месяц [2;421].

Другой рабочий, «Матвей Никитин», был принят 01 сентября 1871 г.ст.ст. с жалованьем 1-го разряда на 4 рубля серебром в месяц. Но уже в первый месяц («за сентябрь») получил 5 рублей серебром. К началу июня 1872 года он получал по 6 рублей 50 коп. серебром. С 01 июня 1872 года ему был присвоен 2-й разряд [2;620].

В итоге, имеющиеся архивные материалы подтверждают наш тезис о том, что размер заработной платы у всех категорий рабочих Казанского завода фирмы братьев Крестовниковых был выше, чем было предусмотрено «мужскими» и «женским» разрядами. И этот факт не был следствием некоей «благотворительности» или «филантропии». Ибо, с середины 1860-х годов на предприятии происходила подготовка к предстоящему технологическому прорыву, произошедшему в 1871–1874 годах. Производилась закупка нового оборудования, начала действовать заводская химическая лаборатория, были построены новые производственные и вспомогательные помещения, с 1868 года начал функционировать заводской водопровод. В целом, с 1866 по 1871 годы общая стоимость заводского имущества в денежном выражении удвоилась.

В апреле 1871 года фирма братьев Крестовниковых получила новое название: существовавшая с 1855 по 1871 годы компания «Братья Крестовниковы и Ко» в 1871г. была переименована в «Фабрично-торговое Товарищество Братьев Крестовниковых на паях» (далее, – «ФТТБК»). В 1873–1874 годах на заводе были введены в эксплуатацию автоклавный корпус и новый корпус дистилляции, что позволило резко увеличить и без того значительные для того времени объёмы производства. Закономерно, что удвоилась и численность постоянных рабочих: с 600 человек в 1868 году до 1200 в 1878 году. Из этих новых работников предстояло в кратчайшие сроки создать сплочённый и профессиональный производственный коллектив, способный обеспечить конкурентоспособность предприятия.

Отметим, что никакие реорганизации производства и внедрение новых технологий, включая установление «химического контроля» над производством, не привели к падению заработной платы, массовым увольнениям или отказу от стимулирующих выплат.

На наш взгляд, при изучении системы оплаты труда работников нельзя ограничиваться лишь показателями номинальной заработной платы. Ибо, неоднократно встречающиеся в архивных материалах выплаты рабочим в рублях и копейках «серебром» остаются для наших современников довольно абстрактными цифрами, ничего не сообщающими об их покупательной способности или ценности. Именно покупательная способность номинальной заработной платы (т.е., – реальная заработная плата) выступает важнейшим критерием при оценке уровня оплаты труда.

Из весьма неопределённого круга товаров и услуг, которые могли быть приобретены исследуемыми категориями работников и работниц, исходя из ограниченного объёма статьи, уместно привести официальные цены на основные продовольственные товары (хлеб, мука, мясо, рыба) в г. Казани в 1858 и в 1869 годах.

Итак, в конце января 1858 года в г. Казани «мука крупчатая», 1 сорт, стоила 1 рубль 60 копеек серебром за пуд (16,38 кг.), а 2 сорт этой муки продавали за 1 рубль 10 копеек серебром. «Мука ржаная», 1 сорт, продавалась **не дороже 38 копеек серебром за пуд (!)**; один пуд второсортной ржаной муки стоил на две копейки ниже. «Ржаной решетный» хлеб продавали по 1 копейке серебром за фунт (0,410 кг.), а за пуд «ситного» просили 34 копейки серебром. «Говядина свежая», 1 сорт, стоила 4,5 копейки серебром за фунт; за фунт третьесортной говядины пришлось бы отдать 3,5 копейки серебром. Первосортная «свинина свежая» стоила 5 копеек серебром за фунт; а фунт второсортной свинины – 4,5 копейки серебром. «Баранина», 1 сорт, – 4 копейки серебром за фунт, а второсортная была на полкопейки дешевле. Пуд «сырого» первосортного сала обходился в 3 рубля 70 копеек серебром; пуд второсортного сала «уходил» на рубль дешевле. За сотню «крупных» яиц просили один рубль серебром, за такое же количество «мелких» – 0,8 рубля серебром. «Щука крупная» стоила 4 копейки серебром/фунт; «мелкая» – 3 копейки сер./фунт. «Ведро» (12,299 л.) квашеной «белой» капусты обошлось бы не дороже 15 копеек серебром; «серая» торговалась по 10 коп.серебром /«ведро» [11].

В середине января 1869 года в г. Казани «мука крупчатая», 1 сорт, стоила 2 рубля серебром за пуд; 2 сорт этой муки продавали за 1 рубль 50 копеек серебром. За прошедшие одиннадцать лет *цена возросла, в итоге, на 40 копеек серебром*. «Мука ржаная», «высшего сорта», продавалась уже по 48 копеек за пуд; «низшего сорта» – 46

копеек. *Цена возросла на 10 копеек серебром.* За пуд «печёного ржаного хлеба» просили 50 копеек серебром, а за фунт – одну копейку с четвертью. Рост цен (за фунт) **составил одну четвёртую копейки за 10 лет (!)**. Если предположить, что хлеб, испечённый из просеянной сквозь сито муки (т.н. «ситный») был белым, то рост цен за 10 лет представляется значительным: с упомянутых выше 34 копеек серебром за пуд в январе 1858 года до 2 рублей серебром за пуд первосортного «белого печёного хлеба» в январе 1869 года. За фунт указанного первосортного «печёного белого» пришлось бы заплатить 5 копеек серебром. Однако, «печёный белый» образца 1869 года имел 4 сорта, а «ситный» 1858 года никаких сортов не имел. «Говядина», 1 сорт (за пуд), обошлась бы в 2,8 рублей серебром или 7,5 копеек серебром за фунт [13]. *Цена первосортной говядины (за фунт), таким образом, выросла на целых три копейки серебром.* В 1869 году бочонок самых дорогих «... настоящих голландских сельдей ...», весом 2 пуда и 2 фунта брутто, продавался по 7 рублей серебром; «дробно» эта же сельдь стоила 10 копеек серебром за фунт; за штуку просили 5 копеек серебром. Аналогичный бочонок шотландских сельдей «уходил» по 2–3 рубля [12].

Имеющиеся архивные материалы, приведённые нами выше, позволяют утверждать, что рост окладной части по «женскому разряду», без учёта премий и надбавок, за обозначенные 11 лет составил 50 копеек серебром в месяц. Что, на наш взгляд, успешно компенсировало существовавший рост цен на продовольственные товары.

Отметим, что «такса» 1858 года по своему ассортименту значительно шире, чем «справочные цены, показанные Казанской городской думой на январь месяц 1869 года». И это не позволяет сопоставить большее количество продуктов питания. С другой стороны, нельзя забывать, что наиболее низкооплачиваемые категории работников, включая женщин и несовершеннолетних, постоянно проживали и питались на заводе. Следовательно, получаемые ими доходы были «чистыми», без расходов на питание и проживание.

Не вызывает сомнения, что подавляющая часть рабочих завода нанимались не только ради того, чтобы прокормиться. Тот же М.И. Туган-Барановский неоднократно отмечал, что в деревне с продуктами было намного легче, чем в городе, «в людях». Очевидно, что крестьянин шёл в город на заработки, имея какие-то личные цели. Например, покупка коровы или лошади, нового инвентаря или одежды, приобретение средств на постройку нового дома и пр. В связи с чем, необходимо кратко обозначить цены в это же время не только на продукты питания. Так, в январе 1858 года по решению Чистопольского уездного суда была выставлена на торги жилая изба чистопольского мещанина «Григорья Гаврилова Щербако-

ва» за 12 рублей серебром. Сообщалось, что «... внутри одной печь стряпильная, кирпичная, 2 перегородки, пол, потолок, 4 окна, к этой избе пристроены сени, на 2 сажени, из соснового леса, в которых 2 небольших чулана с дверьми, на железных петлях и крючках ...» [10].

В 3-ей полицейской части Казани в январе 1858 года продавался двухэтажный деревянный дом по цене 107 рублей 07 копеек серебром; а одноэтажный дом в Козьей слободе, «... со всем строением и землею ...» был выставлен на продажу за 83 рубля серебром [11].

Приведённые цены на недвижимость в двух крупнейших городах Казанской губернии позволяют отказаться от тезисов, во-первых, о некоей «обездоленности» рабочих-«крестовниковцев», якобы, не имевших возможности приобрести собственное жильё. И, во-вторых, об их «непрерывно ухудшавшемся» жизненном уровне в условиях некоей «дороговизны». Отметим, что попытки представить рабочих этого предприятия как некую дискриминируемую городскую социальную группу, отличающуюся крайне низкими доходами, предпринимаются в некоторых СМИ и ныне. И в качестве основных аргументов выступают низкооплачиваемый и «тяжёлый» труд малолетних и пресловутое «гендерное неравенство» при оплате труда.

Принципиально не стремясь полемизировать с персонажами, далёкими от науки, отметим, что одна из причин низкой оплаты труда малолетних рабочих обоего пола отражена в одном из протоколов заседания Правления «Фабрично-Торгового товарищества братьев Крестовниковых от 14 февраля 1872 г.ст.стиля, г. Москва. Указанный документ зафиксировал факт финансирования обучения тридцати малолетних рабочих обоего пола в школе в счёт их рабочего времени. Упомянуты и, якобы, «тяжёлые» работы, на которых использовался труд этих детей:

- «резка ярлыков»
- «резка манжет»
- «чистка фитиля»
- «работа запасным прессом в печатной мастерской» и пр [9;77].

Таким образом, самое краткое и весьма поверхностное сопоставление существовавших справочных цен и доходов самых низкооплачиваемых категорий работников обоего пола свидетельствует о том, что, к примеру, упомянутый в «женской расчётной книге» за 1859 год несовершеннолетний рабочий «Егор Родионов», получавший 1 рубль и 50 копеек серебром в месяц, «на наших харчах», имел теоретическую возможность заработать на жилую избу упомянутого выше чистопольского мещанина за год работы на Казанском заводе фирмы братьев Крестовниковых. Очевидно, что такую же покупку могли себе позволить проживавшие и питавшиеся на заводе

взрослые работницы «Хуртина», «Егорова», «Алексеева».

Анализ системы оплаты труда указанных категорий рабочих на данном дореволюционном предприятии подразумевает и изучение системы штрафных санкций, применявшихся администрацией в отношении рабочих. Архивные материалы, изученные нами, позволяют утверждать, что в условиях свободного труда и рыночной конкуренции штрафные санкции применялись с целью формирования ответственного отношения к своей работе и к имуществу предприятия, а не для пресловутого «законного грабежа рабочих».

Например, «Авдотья Дмитриева» была оштрафована 15 ноября 1871 г. ст.ст. на 10 копеек серебром «за нерадение» [2;29]; «Прасковья Матвеева Егорова» 21 сентября 1871 г.ст.ст. была оштрафована «за драку» (15 коп.сер.) и «за ругательство» (10 коп. сер.) [2;39]; в тот же день «за ругательство» на 10 коп.серебром была оштрафована и «Арина Матвеева» [2;41]; встречаются штрафы «за слушание» (20 коп. сер.), «за невнимание» (10 коп. сер.), «за порчу имущества» (15 коп.сер.), «за пьянство» (20 коп. сер.), «за унос харчей из столовой» (10 коп.сер.) и даже «за безобразии» (40 коп.сер) [2;74–213].

Штрафные санкции, таким образом, способствовали формированию постоянного кадрового состава работников этого предприятия, являясь неотъемлемой и необходимой частью социальной политики компании. Заметим, что размер налагаемых штрафов не позволяет утверждать, что они наносили тяжёлый урон бюджету рабочих.

Итак, комплекс изученных нами опубликованных и неопубликованных источников позволяет сделать следующие выводы:

- использование труда несовершеннолетних рабочих на Казанском заводе братьев Крестовниковых не носило массовый характер и не оказывало решающего влияния на коммерческие успехи компании;
- довольно низкий уровень заработной платы данной категории работников объясняется не только их низкой квалификацией и возрастом, но и, во-первых, вычетами за постоянное питание и проживание на заводе и, во-вторых, расходами фирмы на обучение в школе малолетних обоих полов;
- несомненными положительными следствиями использования труда несовершеннолетних были: раннее приобщение их к труду, возможность получения востребованной профессии и собственного заработка;
- оплата труда работниц-женщин, в целом, соответствовала существовавшему тогда уровню жизни низших сословий населения крупнейших городов Российской империи, позволяла накопить деньги на дом, на лошадь и пр.
- штрафные санкции, применяемые руководством фирмы братьев Крестовниковых на их казанском предприятии вплоть до издания фабричных законов при императоре Александре Третьем, являлись неотъемлемой частью их социальной политики, направленной на формирование и укрепление постоянного кадрового состава работников завода всех уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГА РТ. Ф.300.Оп.1.Д.2
2. ГА РТ. Ф.300.Оп.1.Д.13
3. ГА РТ. Ф.300. Оп.1.Д.15
4. ГА РТ. Ф.300.Оп.1.Д.29
5. ГА РТ. Ф.300.Оп.1.Д.34
6. ГА РТ. Ф.408. Оп.1.Д.355
7. ГА РТ. Ф.408.Оп.1.Д.853
8. ГА РТ. Ф.300.Оп.2.Д.1
9. ГА РТ. Ф.300. Оп.2.Д.17
10. Казанские губернские ведомости. № 2 от 18 января 1858 года, ч.оф., отдел местный
11. Казанские губернские ведомости. №3 от 25 января 1858 г., ч.неоф.
12. Казанские губернские ведомости. №1 от 1 января 1869 г., ч.неоф.
13. Казанские губернские ведомости. № 5 от 15 января 1869 года, ч.оф, отд. второй.
14. Бут В. В трущобах Англии. Пер. с англ. Р.И. Сементковского. СПб.: тип. И.Г. Салова, 1891.340 с.
15. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. В 39 т. Т.8. Казанская губ. Сост. М.М. Лаптев. СПб., 1861. 319 с., С.369
16. Морозов А.В. Государственное регулирование занятости и безработицы в Татарстане в период НЭПа: монография. Казань.: изд-во КНИТУ, 2013.330 с.
17. Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М.: изд.Главархива Москвы, 2004. 384 с.: ил. (Московская монография). ISBN 5–7228–0120–8

18. Ульянова Г.Н. Купчихи, дворянки, магнатки: Женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: Новое лит.обозрение, 352 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»). ISBN 978-5-4448-1725-4
19. Фан-Юнг Г.Ю. Завод-«Великань» (основные этапы истории Казанского предприятия фирмы братьев Крестовниковых в 1855–1917 гг.): монография. Казань.: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 234 с., с илл. (Серия «Сокровищница Татарстана»). ISBN 978-5-8399-0735-5

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

